

Научная статья

УДК 340.12

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-29-37>

Позитивная юридическая ответственность как продукт схоластического теоретизирования

Мильков Александр Васильевич

Филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Пятигорск, Россия,
almilk999@mail.ru

Аннотация. Обосновывается тезис, согласно которому концепция позитивной юридической ответственности является результатом схоластического теоретизирования, то есть «теоретизирования ради теоретизирования». Для анализа избраны три признака схоластического теоретизирования: полисемантическая дефиниций, отрыв от реальности и псевдоноваторство, и показано, что концепция позитивной юридической ответственности полностью соответствует этим признакам. Сделан вывод о том, что данная концепция представляет собой вариант текстотворчества, то есть деятельности по созданию новых текстов и введению их в доктринальный оборот.

Ключевые слова: юридическая ответственность; ретроспективная юридическая ответственность; позитивная юридическая ответственность; схоластическое теоретизирование

Для цитирования: Мильков А. В. Позитивная юридическая ответственность как продукт схоластического теоретизирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 29–37. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-29-37>.

Original article

Positive legal liability as a product of scholastic theorizing

Alexander V. Milkov

Branch of the Russian Economic University named after G. V. Plekhanov, Pyatigorsk, Russia,
almilk999@mail.ru

Abstract. The thesis is substantiated according to which the concept of positive legal liability is the result of scholastic theorizing, i.e. «theorizing for the sake of theorizing». Three features of scholastic theorizing are selected for analysis: polysemantic definitions, detachment from reality and pseudo-innovation, and it is shown that the concept of positive legal liability fully corresponds to these features. It is concluded that this concept is a variant of text-creation, i.e. the activity of creating new texts and introducing them into doctrinal circulation.

Keywords: legal liability; retrospective legal liability; positive legal liability; scholastic theorizing

For citation: Milkov A. V. Positive legal liability as a product of scholastic theorizing. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 29–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-29-37>.

© Мильков А. В., 2024

Проблемами юридической ответственности доктрина занимается длительный период времени, ей не удалось создать непротиворечивую теорию юридической ответственности. Камнем преткновения на пути создания такой теории явился возникший в 60-х годах прошлого века подход к трактовке юридической ответственности в качестве синонима правомерного поведения, оформленный в так называемую концепцию позитивной юридической ответственности. Эта концепция неоднократно подвергалась разносторонней и обоснованной критике, в частности за ложность отстаиваемой в ней идеи, не отвечающей потребностям юридической практики и правовой науки [1], за пренебрежение научными требованиями при ее построении, а именно за противоречивость умозаключений, ненормативные для правопведения положения и наполнение общепринятых юридических терминов новыми смыслами [2], за вред, который приносит эта концепция научному познанию, проявляющийся в разрушении предметного поля правовой теории [3], за искусственность конструкции позитивной юридической ответственности и ее неправовой характер [4]. Однако сторонники рассматриваемой концепции данную критику не воспринимают, продолжая умножать число текстов в ее защиту.

Анализируя проблему понимания юридической ответственности, О. Э. Лейст писал: «...при исследовании теоретических проблем юридической ответственности за правонарушение выявился тупиковый путь семантических изысканий, ведущих к схоластическому теоретизированию» [5, с. 249]. Наш интерес к проблемам юридической ответственности [6–8], а также наблюдения за расширением и упрочением позиции сторонников концепции позитивной юридической ответственности побудили нас вновь обратиться к данной теме и выяснить, присущи ли концепции признаки, характеризующие схоластическое теоретизирование.

Под теоретизированием в русском языке понимается действие по глаголу «теоретизировать», а глагол «теоретизировать» толкуется в двух смыслах: 1) «заниматься вопросами теории, придавать наблюдениям и обобщениям вид теории» и 2) «рассуждать на теоретические темы» [9, с. 354]. В свою очередь, термин «схоластика» употребляется в русском языке также в двух смыслах: прямом, как название средневековой философии, строившей свою систему на догматах церкви, и переносном, как бесплодное умствование, начетничество [10,

с. 1081]. В работах по теории познания схоластика отождествляется с бессодержательностью, надуманностью проблем, прикрытых многозначительностью и научностью терминологии [11, с. 34], а схоластическое теоретизирование характеризуется такими признаками, как отрыв от реальности, произвольность в оперировании терминами, переходящая в «словесную эквилибристику», многосложность и полисемантическую дефиниций, «работа в рамках компилятивного, комментаторского исследования текстов» [12, с. 11]. Следует обратить внимание и на такие признаки схоластического теоретизирования, как «манипулирование «голыми» (зачастую «заумными») терминами», доказывание давно доказанного, «псевдоноваторство», «бесплодные перетасовки понятий и бесконечное «плетение словес»» [13, с. 170]. Настоящая статья посвящена обоснованию тезиса о том, что в корпус научных знаний о юридической ответственности активно внедряется концепция позитивной юридической ответственности, являющаяся результатом схоластического теоретизирования и культивирующая практику подобного теоретизирования в правовой науке. Для обоснования этого тезиса концепция рассмотрена на предмет соответствия таким признакам схоластического теоретизирования, как полисемантическую дефиниций, отрыв от реальности и псевдоноваторство.

Краткая история вопроса. Развитие юридическое сознание исходит из положения о том, что совершение правонарушения влечет за собой наступление отрицательных юридических последствий, которые являются реакцией на прошлое поведение и трактуются как юридическая ответственность [14, с. 43]. Это положение было широко признанным в правовой доктрине с древних времен и, как утверждал В. Варкалло, «идея юридической ответственности, понимаемой как санкция за причинение вреда, является одной из первых концепций права и науки права» [15, с. 88]. Однако во второй половине прошлого столетия данное положение под воздействием идеологических факторов было подвергнуто сомнениям как не отвечающее идеалам социалистического общества, и на смену ему пришла идея о необходимости для научного сообщества пересмотреть взгляды на юридическую ответственность и приступить к разработке ее «позитивного» аспекта. Данный «позитивный» аспект сводился к тому, что понятие юридической ответственности охватывает осознание субъектом своего долга перед обществом и государством

[16, с. 79] и реализуется при осуществлении правомерных деяний [17, с. 21; 18, с. 52–53; 19, с. 72–78; 20, с. 29–38; 21, с. 8–9]. Квинтэссенция такого понимания была четко выражена Б. Т. Базылевым в следующей формулировке: «Содержание юридической ответственности составляет *реальное правомерное поведение субъекта права*» [22, с. 26]. С этого времени идея о необходимости пересмотра взглядов на юридическую ответственность овладела умами сторонников признания концепции позитивной юридической ответственности и уже собрала в свою защиту солидный массив монографий, диссертаций и научных статей.

Полисемантическую дефиниций как признак концепции позитивной юридической ответственности. Полисемантическую дефиниций, или, как это явление называют в философской литературе, «игра в дефиниции», хорошо иллюстрирует стиль схоластического мышления, характеризуя который, Г. Гегель отмечал, что мысль в схоластических рассуждениях «получила такую хитроумную разработку, что эта форма пустого рассудка вертится лишь в беспочвенных сочетаниях категорий» [23, с. 223].

Анализ работ, посвященных рассматриваемой теме, показывает, что для определения позитивной юридической ответственности авторы привлекают понятия из различных областей научного или даже обыденного познания. Во-первых, позитивную юридическую ответственность относят к внутренним психологическим процессам, когда утверждают, что она «означает понимание ее субъектом того груза, который он несет на своих плечах, понимание того, что придется нести определенные лишения, если он не справится с возложенной задачей» [24, с. 489] или предлагают рассматривать ее как «осознание личностью смысла и значения собственных поступков, согласование их со своими правами и обязанностями, своим долгом в *настоящем и будущем* поведении» [25, с. 22]. Во-вторых, позитивную юридическую ответственность трактуют как понятие морального сознания, «внутренний объективно существующий долг гражданина перед обществом и государством» [26, с. 267]. В-третьих, ее выводят «из соображений здравого смысла» [27, с. 22]. Оценивая рассматриваемую концепцию через призму признака полисемантической дефиниций, следует иметь в виду, что мы ведем речь о научном теоретическом познании, то есть о теоретической системе знания, а точнее, о центральной категории этой системы. Такую систему от простого нагромождения абстракций

отличает принадлежность всех составляющих ее категорий к одной и той же предметной области и отражение ими одного и того же объекта познания. Следовательно, теоретическая система знания (научная теория) «не может содержать понятий, а стало быть, и высказываний, не имеющих общей предметной области и не отражающих один и тот же объект познания» [28, с. 87]. Если требование о принадлежности к одной и той же предметной области распространяется на все категории, входящие в состав той или иной теоретической системы, то оно тем более относится к главной категории такой системы, которая не может принимать обличье различных субстанций, входящих в различные предметные области и, соответственно, различные сферы научного познания, в том числе и не относящиеся к правовому научному познанию. Говоря иными словами, если главная категория концепции позитивной юридической ответственности с одинаковым успехом может быть определена посредством серии понятий (научных абстракций), принадлежащих различным областям знаний, то охарактеризовать эту концепцию можно только как хаотичное нагромождение абстракций.

Особое внимание следует уделить попытке привлечь для определения якобы «новой субстанции» позитивной юридической ответственности базовые правовые понятия, известные правовой науке с самого ее зарождения и хорошо изученные как в общей теории права, так и в отраслевых дисциплинах (субъективное право, юридическая обязанность, правоотношение). Подобные попытки в доктрине называются переодеванием «хорошо известных явлений в новые словесные одежды» [5, с. 253], которое не дает какого-либо приращения научного знания, но серьезно подрывает основы общей теории права как научной теоретической системы, поскольку в ее категориальный состав могут входить «лишь те абстракции, которые различаются между собой и несут различную информацию» [28, с. 91]. Наиболее впечатляющих достижений на поприще бесплодной перетасовки понятий и бесконечного «плетения словес» достиг Д. А. Липинский, который в различных своих работах определяет позитивную юридическую ответственность и как юридическую обязанность, и как исполнение юридической обязанности, и как субъективное право, и как использование субъективного права, и как правоотношение, и как правомерное поведение [29–35]. Причем анализировать дефиниции Д. А. Липинского — дело крайне

неблагодарное, поскольку его работы четко формулировок не отличаются, содержат массу различных оговорок, многочисленных пояснений к дефинициям и дополнений к ним, блестяще иллюстрируя возможности «научной словесной эквилибристики». Так, например, признание позитивной юридической ответственности юридической обязанностью он сопровождает пояснением: «Позитивная юридическая ответственность не тождественна одной обязанности действовать правомерно. На самом деле это явление более сложное» [36, с. 18]. Однако далее Д. А. Липинский не развивает свой глубокомысленный вывод о сложности упомянутого явления, а приводит цитату из работы В. Н. Кудрявцева, утверждавшего, что позитивная ответственность — «это правоотношение, состоящее из нескольких элементов» [37, с. 286], и завершает свой пассаж еще одним глубокомысленным выводом: «Обязанность и ответственность как юридические категории тесно переплетены, но не тождественны. Более широкая из них — ответственность» [36, с. 18]. В конечном счете автор смешивает все свои представления о позитивной юридической ответственности в один конгломерат, утверждая, что ее «необходимо понимать как комплексное явление, включающее в свое содержание субъективные права, обязанности с запретами, правомерное поведение и факультативное применение мер поощрения» [38, с. 29–30]. Нельзя не указать, что Д. А. Липинский предпринял попытку связать понятия «ответственность» и «регулятивные правоотношения» [39] и обосновать «регулятивную природу института юридической ответственности» [40, с. 21–28], чем внес сумятицу не только в представления о юридической ответственности, но и в представления о регулятивных и охранительных правоотношениях, а заодно и о регулятивных и охранительных подсистемах механизма правового регулирования.

Следующий признак концепции позитивной юридической ответственности — *отрыв от реальности*. В литературе неоднократно отмечалось, что понятие позитивной юридической ответственности не имеет юридического содержания и находится за пределами правовой реальности. Так, М. Д. Шаргородский указывал, что перенесение понятия ответственности из области объективной юридической реальности в область должного, толкуемого в качестве психического процесса, например, в качестве осознания долга, «лишает это понятие правового содержания и ведет к тому,

что при отсутствии такого “осознания” нет ответственности» [41, с. 47]. Подчеркнем, что М. Д. Шаргородский указывал на недопустимость перенесения понятия юридической ответственности из сферы правовой реальности в сферу психических процессов человека в 1968 году, то есть на заре зарождения концепции позитивной юридической ответственности. Это был тот самый момент, когда доктрина должна была безоговорочно отвергнуть попытку вывести юридическую ответственность за пределы правового поля, ведь, как известно, аксиомой правоведения является положение о том, что право регулирует общественные отношения, но не регулирует внутренний мир человека, его мысли и чувства, и всем правоведам рассматриваемого периода было хорошо известно справедливое высказывание К. Маркса о том, что помимо своих действий человек для права не существует [42, с. 14–15]. Однако даже авторитет К. Маркса не помешал поборникам концепции позитивной юридической ответственности продолжить отстаивать идею, прямо противоречащую правовым представлениям, и, как указывал Н. С. Малеин, включать в понятие позитивной юридической ответственности такие субстанции, как «чувство сознательности индивида», его «внутреннее сознание морального долга» и прочее, тем самым выводить это понятие за границы права, ибо «сознание, чувства, мораль — категории не правовые» [43, с. 132–133]. Неправовые категории характеризуются неправовыми же признаками, и данное обстоятельство также свидетельствует о недопустимости признания позитивной ответственности юридической ответственностью. На этот аспект в 1992 году обращал внимание А. С. Шабуров, отмечавший, что позитивная ответственность «не обладает признаками, качествами, особенностями правового явления, характеризующегося связью с государством, с правом» [44, с. 15]. Сторонники концепции позитивной юридической ответственности в своих многочисленных работах так и не смогли отыскать у позитивной ответственности правовые признаки, что и позволило А. С. Шабурову подтвердить свой вывод в 2009 году и вновь подчеркнуть, что позитивная ответственность — это субстанция, чуждая и правовой практике, и правовой теории; она не является юридическим явлением и не подпадает под какое-либо правовое определение [45, с. 229]. Исследуя рассматриваемую концепцию применительно к гражданскому процессуальному праву, А. В. Цихоцкий заключает, что позитивная ответственность не привносит

каких-либо изменений в существующее процессуальное отношение, а сама категория «не отражает какую-либо юридическую реальность» [46, с. 294]. Для подтверждения этого вывода можно провести такой мысленный эксперимент: представить две картины описания процессуального отношения. Первая картина — традиционные представления о процессуальном отношении, вторая — представления сторонников позитивной ответственности. В первом случае мы укажем на субъектов такого отношения, их права и обязанности и этим ограничимся. Во втором случае мы должны будем «встроить» в картину описания позитивную ответственность. Проиллюстрируем сказанное на примере дефиниции В. В. Бутнева, по утверждению которого позитивная гражданская процессуальная ответственность — «это возложенная на субъекта гражданских процессуальных правоотношений необходимость точно исполнить свои процессуальные обязанности и использовать предоставленные ему процессуальные права в соответствии с их назначением» [47, с. 33]. Исходя из этой дефиниции, содержание гражданского процессуального правоотношения следует описывать как включающее в себя: 1) субъективное процессуальное гражданское право плюс необходимость использовать это право в соответствии с его назначением и 2) процессуальную гражданскую обязанность плюс необходимость исполнить эту обязанность. Поскольку, по определению В. В. Бутнева, «необходимость определенного поведения» есть «мера должного поведения», то есть обязанность, в его трактовке субъективное процессуальное гражданское право существует не как таковое, а в соединении с обязанностью, а процессуальная гражданская обязанность удваивается. Очевидно, что подобные построения есть теоретизирование ради теоретизирования, не находящие подтверждения в правовой практике и противоречащие юридической теории. Как справедливо подчеркивает В. В. Баранов, «концепция “позитивной юридической ответственности” является иллюстрацией отрыва науки от реальности, она уводит юридическую науку в сторону от разработки конкретных видов юридических деликтов» [4, с. 134].

Следующий признак концепции позитивной юридической ответственности — *псевдоноваторство*, проявляющееся в стремлении представить результаты своего теоретизирования как «новые идеи» в правовой науке. К числу таких псевдоноваторов можно отнести А. С. Бондарева, заявившего, что

«юридической ответственности в ретроспективном аспекте не существует в природе современного общества» [48, с. 134] и предложившего совершить «революционный прорыв» в правовой теории — признать, что юридическая ответственность «может носить только позитивный характер, являясь ценным (позитивным) правовым свойством субъектов права» [48, с. 22]. Выражение этого «открытого» им правового свойства субъекта права автор видит «в знаниях им своих статусных правовых обязанностей, умении распознавать момент их конкретного возникновения в процессе своей правовой жизни, осмыслении ценности их для собственных и общественных интересов, положительной эмоционально-чувственной оценки и волевого воплощения их в своем правомерном поведении» [48, с. 136]. В этой публицистической тираде тонет какое-либо внятное представление о юридической ответственности, но возникает вопрос: «А это «правовое свойство» присуще каждому субъекту права или только тому, кто знает о своих правовых обязанностях, распознает момент их возникновения, осмысливает их ценность и дает им положительную эмоционально-чувственную оценку?» «Кроме этого, хотелось бы также узнать, какие правовые последствия возникают в случае отрицательного ответа на заданные вопросы (то есть если субъект «не знает», «не распознает», «не осмысливает» и «дает отрицательную оценку»)?»

Продолжить иллюстрацию признака псевдоноваторства концепции позитивной юридической ответственности можно фрагментом из статьи Л. Э. Котковского, который предпринимает попытку развить идею А. С. Бондарева. Автор пишет: «...Юридический характер позитивной ответственности состоит в том, что носителями такой ответственности являются субъекты права, но не находящиеся в состоянии покоя, а действующие. С точки зрения правовой формы все субъекты и права одинаковы (все правоспособны и дееспособны), но как действующие субъекты права отличаются друг от друга. Таким образом, позитивная юридическая ответственность — это признак (свойство) действующих субъектов права, различающихся по степени усвоения нравственно-этических ценностей, правосознанию, состоянию (меры) свободы, ответственности, жизненному и профессиональному опыту и т. д.» [49, с. 33–34]. К сожалению, автор не указал на механизмы, при помощи которых можно было бы установить меру усвоения субъектом

нравственно-этических ценностей, определить уровень его правосознания, выявить его «состояние свободы и ответственности» и измерить уровень жизненного и профессионального опыта, а также не пояснил, какое правовое значение имеет положение о разделении всех субъектов права на «находящихся в состоянии покоя» и «действующих». Без ответа остался и вопрос о том, как это предложение соотносится с принципом равенства субъектов права. Однако особый интерес представляет заключительный вывод автора. «На основании изложенного, — пишет Л. Э. Котковский, — считаем целесообразным рассматривать позитивную юридическую ответственность как надлежащее осуществление субъективных прав» [49, с. 36]. Как видим, автор не заметил, что своим заключительным выводом он нивелировал все свои пространственные рассуждения о позитивной юридической ответственности, сведя ее к надлежащему осуществлению субъективных прав. Зачем нужно было классифицировать субъектов на «находящихся в состоянии покоя» и «действующих» и лишать первых «свойства позитивной ответственности» и приписывать это свойство последним, если в итоге все свелось к понятию осуществления субъективного права? Следует констатировать, что автору не только не удалось обосновать свою «новаторскую идею», но даже вразумительно объяснить ее содержание.

Н. А. Боброва полагает, что доктрина позитивной юридической ответственности свидетельствует о приверженности ученых научному романтизму [1, с. 64]. Соглашаясь с мнением В. М. Баранова о том, что от романтизма в концепции позитивной юридической ответственности ничего нет [4, с. 124–125] и принимая в целом его гипотезу, согласно которой создание рассматриваемой концепции есть «вариант семиургии (знакотворчества), то есть... деятельности по формированию новых знаков и введению их в язык» [4, с. 106], хотим внести в эту гипотезу дополнение. По нашему мнению, концепция позитивной юридической ответственности есть вариант текстотворчества, то есть деятельности по созданию новых текстов и введению их в доктринальный оборот. А если проанализировать эту деятельность на предмет соответствия признакам, присущим схоластике, то можно заключить, что концепция позитивной юридической ответственности представляет собой разновидность текстотворчества, являющегося результатом схоластического теоретизирования.

Список источников

1. Боброва Н. А. О ложности доктрины позитивной юридической ответственности // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10 (125). С. 63–65.
2. Аслanian Н. П. «Теория единой юридической ответственности» как околонучное теоретическое построение // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22. № 3 (85). С. 175–184.
3. Аслanian Н. П. О вреде так называемой «теории позитивной юридической ответственности»: тезисы // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 9-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Байкальского государственного университета (г. Иркутск, 3 дек. 2020 г.) / под ред. Н. П. Аслanian, Ю. В. Виниченко. Иркутск: Издат. дом БГУ, 2021. С. 7–16.
4. Баранов В. М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника: монография. Москва: Блок-Принт, 2022. 176 с.
5. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. Москва: ИКД «Зерцало-М», 2002. 288 с.
6. Мильков А. В. О несостоятельности концепции двухаспектной юридической ответственности // Закон. 2016. № 6. С. 152–164.
7. Мильков А. В. О понятии юридической ответственности // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 5-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 21 мая 2016 г.) / под ред. Н. П. Аслanian, Ю. В. Виниченко. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. С. 128–133.
8. Мильков А. В. Заметки к вопросу о разработке теории юридической ответственности // Образование и право. 2020. № 1. С. 71–79.
9. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1988. 795 с.
10. Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва, ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. 1268 с.
11. Философия: учебное пособие / ред. Т. И. Кохановская. Ростов-на-Дону, 2003. 576 с.
12. Чистякова О. В. Схоластическое мышление как форма метафизики: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 1993. 28 с.
13. Основы философии науки: учебное пособие / отв. ред. В. П. Кохановский. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 603 с.
14. Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. Москва: Юридическая литература, 1971. 240 с.
15. Варкалло В. Ответственность по гражданскому праву (возмещение вреда – функции, виды, границы). Москва: Прогресс, 1978. 328 с.
16. Смирнов В. Г. Уголовная ответственность и уголовное наказание // Правоведение. 1963. № 4. С. 78–89.

17. Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права (Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1965. 188 с.
18. Недбайло П. Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3. С. 44–53.
19. Строгович М. С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 72–78.
20. Назаров Б. Л. О юридическом аспекте позитивной социальной ответственности // Советское государство и право. 1981. № 10. С. 29–38.
21. Ключков В. В. Социальная ответственность и уголовный закон // Правоведение. 1987. № 2. С. 3–13.
22. Базылев Б. Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск, 1985. 120 с.
23. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга третья. Санкт-Петербург: Наука, 1994. 582 с.
24. Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. Москва: Норма, 2006. 832 с.
25. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности: монография. Москва: Изд-во РАП, 2008. 304 с.
26. Попов К. И. Позитивная уголовная ответственность и правомерное причинение вреда // Военное право. 2018. № 6 (52). С. 266–269.
27. Калина В. Ф. Позитивная юридическая ответственность как категория профессиональной этики // Юридическая ответственность: современные проблемы теории и практики. XXIII Международная научная конференция: сборник статей. Москва: РГГУ, 2023. С. 19–29.
28. Логика научного исследования / отв. ред. П. В. Копнин, М. В. Попович. Москва: Наука, 1965. 360 с.
29. Липинский Д. А. Правоотношения и принципы юридической ответственности: монография. Москва: Изд-во Nota Bene, 2003. 231 с.
30. Липинский Д. А., Шишкин А. Г. Меры позитивной юридической ответственности // Правоведение. 2013. № 1. С. 33–44.
31. Липинский Д. А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 37–51.
32. Липинский Д. А., Шишкин А. Г. Субъективное право и юридическая обязанность как меры позитивной юридической ответственности // Государство и право. 2014. № 10. С. 5–14.
33. Липинский Д. А. Социальное обоснование позитивной юридической ответственности // Право и политика. 2015. № 5 (185). С. 673–683.
34. Липинский Д. А. Психологические характеристики позитивной юридической ответственности // Прикладная юридическая психология. 2016. № 3. С. 6–13.
35. Липинский Д. А. Юридическая ответственность и безответственность как парные юридические

категории // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 2 (48). С. 6–24.

36. Липинский Д. А. Проблемы юридической ответственности. Санкт-Петербург: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 387 с.

37. Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. Москва: Наука, 1986. 448 с.

38. Липинский Д. А. Макроуровень института юридической ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 25–44.

39. Липинский Д. А. Регулятивные правоотношения и позитивная юридическая ответственность // Право и государство: теория и практика. 2010. № 4 (64). С. 13–17.

40. Липинский Д. А. Понятие и структура института юридической ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 3. С. 21–28.

41. Шаргородский М. Д. Детерминизм и ответственность // Правоведение. 1968. № 1. С. 40–48.

42. Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинение. 2-е изд. Т. 1. Москва: Госполитиздат, 1955. С. 3–27.

43. Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. Москва: Юридическая литература, 1985. 192 с.

44. Шабуров А. С. Политические и правовые аспекты социальной ответственности личности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 34 с.

45. Шабуров А. С. Теория государства и права: учебник. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. 248 с.

46. Цихоцкий А. В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск: Наука, 1997. 392 с.

47. Бутнев В. В. Гражданская процессуальная ответственность. Ярославль: ЯрГУ, 1999. 62 с.

48. Бондарев А. С. Юридическая ответственность — исключительно позитивное свойство субъектов права // Правоведение. 2008. № 1 (276). С. 133–144.

49. Котковский Л. Э. Позитивная юридическая ответственность как признак (свойство) субъекта права // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2018. № 2. С. 32–38.

References:

1. Bobrova N. A. On the Falsehood of the Doctrine of Positive Legal Liability. *Eurasian Law Journal*, 2018, no. 10 (125), pp. 63–65. (In Russ.)
2. Aslanyan N. P. "The Theory of Single Legal Liability" as a Pseudo-scientific Theoretical Construction. *Academic Law Journal*, 2021, vol. 22, no. 3 (85), pp. 175–184. (In Russ.)
3. Aslanyan N. P. On the Harm of the So-Called "Theory of Positive Legal Liability": Theses. Protection of Private Rights: Problems of Theory and Practice:

Proceedings of the 9th Annual International Scientific and Practical Conf., Dedicated to the 90th Anniversary of Baikal State University (Irkutsk, December 3, 2020) / ed. by N. P. Aslanyan, Yu. V. Vinichenko. Irkutsk: BSU Publishing House, 2021. Pp. 7–16. (In Russ.)

4. Baranov V. M. "Positive Legal Liability": Controversial Concept, Imaginary Practice, Virtual Technology: Monograph. Moscow: Blok-Print Publ., 2022. 176 p. (In Russ.)

5. Leist O. E. The Essence of Law. Problems of Theory and Philosophy of Law. Moscow: ICD Zertsalo-M, 2002. 288 p. (In Russ.)

6. Milkov A. V. On the Insolvency of the Concept of Dual-Aspect Legal Liability. *Law*, 2016, no. 6, pp. 152–164. (In Russ.)

7. Milkov A. V. On the Concept of Legal Liability. Protection of Private Rights: Problems of Theory and Practice: Proc. of the 5th Annual International Scientific and Practical Conf. (Irkutsk, May 21, 2016) / ed. by N. P. Aslanyan, Yu. V. Vinichenko. Irkutsk: BSU Publishing House, 2017. Pp. 128–133. (In Russ.)

8. Milkov A. V. Notes on the Development of a Theory of Legal Liability. *Education and Law*, 2020, no. 1, pp. 71–79. (In Russ.)

9. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. T. 4 / ed. by A. P. Evgenieva. Moscow: Russian language, 1988. 795 p. (In Russ.)

10. The Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language / ed. by D. N. Ushakov. Moscow: OOO Izdatelstvo AST: OOO Izdatelstvo Astrel, 2004. 1268 p. (In Russ.)

11. Philosophy: a textbook / ed. by T. I. Kokhanovskaya. Rostov-on-Don, 2003. 576 p. (In Russ.)

12. Chistyakova O. V. Scholastic Thinking as a Form of Metaphysics. Author's abstract. ... candidate of (philos) sciences. Rostov-on-Don, 1993. 28 p. (In Russ.)

13. Fundamentals of the Philosophy of Science: A Textbook / ed. by V. P. Kokhanovsky. Rostov-on-Don: Phoenix, 2008. 603 p. (In Russ.)

14. Samoshchenko I. S., Farukshin M. Kh. Liability under Soviet legislation. Moscow: Legal Literature Publ., 1971. 240 p. (In Russ.)

15. Varkallo V. Liability under civil law (compensation for damage – functions, types, boundaries). Moscow: Progress Publ., 1978. 328 p. (In Russ.)

16. Smirnov V. G. Criminal liability and criminal punishment. *Jurisprudence*, 1963, no. 4, pp. 78–89. (In Russ.)

17. Smirnov V. G. Functions of Soviet criminal law (Subject, tasks and methods of criminal-legal regulation). Leningrad: Publishing house of Leningrad State University, 1965. 188 p. (In Russ.)

18. Nedbaylo P. E. System of legal guarantees for the application of Soviet legal norms. *Jurisprudence*, 1971, no. 3, pp. 44–53. (In Russ.)

19. Strogovich M. S. The essence of legal liability. *Soviet state and law*, 1979, no. 5, pp. 72–78. (In Russ.)

20. Nazarov B. L. On the legal aspect of positive social responsibility. *Soviet state and law*, 1981, no. 10, pp. 29–38. (In Russ.)

21. Klochkov V. V. Social responsibility and criminal law. *Jurisprudence*, 1987, no. 2, pp. 3–13. (In Russ.)

22. Bazylev B. T. Legal responsibility (theoretical issues). Krasnoyarsk, 1985. 120 p. (In Russ.)

23. Hegel G. V. F. Lectures on the history of philosophy. Book three. Saint Petersburg: Nauka Publ., 1994. 582 p. (In Russ.)

24. Problems of the general theory of law and state / ed. by V. S. Nersesyants. Moscow: Norma Publ., 2006. 832 p. (In Russ.)

25. Vitruk N. V. General theory of legal responsibility: monograph. Moscow: RAP Publishing House, 2008. 304 p. (In Russ.)

26. Popov K. I. Positive criminal liability and lawful causing of harm. *Military law*, 2018, no. 6 (52), pp. 266–269. (In Russ.)

27. Kalina V. F. Positive legal liability as a category of professional ethics. Legal liability: modern problems of theory and practice. XXIII International Scientific Conference. Collection of articles. Moscow: RSUH, 2023. P. 19–29. (In Russ.)

28. Logic of scientific research / ed. by P. V. Kopnin, M. V. Popovich. Moscow: Science, 1965. 360 p. (In Russ.)

29. Lipinsky D. A. Legal relations and principles of legal liability: monograph. Moscow: Nota Bene Publishing House, 2003. 231 p. (In Russ.)

30. Lipinsky D. A., Shishkin A. G. Measures of positive legal liability. *Jurisprudence*, 2013, no. 1, pp. 33–44. (In Russ.)

31. Lipinsky D. A. Concepts of positive legal liability in domestic jurisprudence. *Journal of Russian Law*, 2014, no. 6, pp. 37–51. (In Russ.)

32. Lipinsky D. A., Shishkin A. G. Subjective right and legal obligation as measures of positive legal liability. *States and Law*, 2014, no. 10, pp. 5–14. (In Russ.)

33. Lipinsky D. A. Social justification of positive legal liability. *Law and Politics*, 2015, no. 5 (185), pp. 673–683. (In Russ.)

34. Lipinsky D. A. Psychological characteristics of positive legal responsibility. *Applied legal psychology*, 2016, no. 3, pp. 6–13. (In Russ.)

35. Lipinsky D. A. Legal responsibility and irresponsibility as paired legal categories. *Legal science and law enforcement practice*, 2019, no. 2 (48), pp. 6–24. (In Russ.)

36. Lipinsky D. A. Problems of Legal Liability. Saint Petersburg: Publishing House Legal Center Press, 2003. 387 p. (In Russ.)

37. Kudryavtsev V. N. Law, Deed, Responsibility. Moscow: Nauka Publ., 1986. 448 p. (In Russ.)

38. Lipinsky D. A. Macrolevel of the Institute of Legal Liability. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2019, no. 1, pp. 25–44. (In Russ.)

39. Lipinsky D. A. Regulatory Legal Relations and Positive Legal Liability. *Law and State: Theory and Practice*, 2010, no. 4 (64), pp. 13–17. (In Russ.)

40. Lipinsky D. A. Concept and Structure of the Institute of Legal Liability. *Legal Policy and Legal Life*, 2016, no. 3, pp. 21–28. (In Russ.)

41. Shargorodsky M. D. Determinism and Responsibility. *Jurisprudence*, 1968, no. 1, pp. 40–48. (In Russ.)

42. Marx K. Notes on the Newest Prussian Censorship Instruction / Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1955. Pp. 3–27. (In Russ.)

43. Malein N. S. Offense: Concept, Causes, Responsibility. Moscow: Legal Literature Publ., 1985. 192 p. (In Russ.)

44. Shaburov A. S. Political and Legal Aspects of Social Responsibility of an Individual. Author's abstract. ... doctor of legal sciences. Ekaterinburg, 1992. 34 p. (In Russ.)

45. Shaburov A. S. Theory of State and Law: textbook. Kurgan: Publishing House of Kurgan State University, 2009. 248 p. (In Russ.)

46. Tsikhotsky A. V. Theoretical Problems of the Efficiency of Justice in Civil Cases. Novosibirsk: Nauka Publ., 1997. 392 p. (In Russ.)

47. Butnev V. V. Civil Procedural Liability. Yaroslavl: YarSU Publ., 1999. 62 p. (In Russ.)

48. Bondarev A. S. Legal Liability as an Exclusively Positive Property of Legal Entities. *Jurisprudence*, 2008, no. 1 (276), pp. 133–144. (In Russ.)

49. Kotkovsky L. E. Positive Legal Liability as a Feature (Property) of a Legal Entity. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and social sciences*, 2018, no. 2, pp. 32–38. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Мильков — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса филиала Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Information about the author

A. V. Milkov — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the branch of the Plekhanov Russian University of Economics.